

Н. Г. Устрялов

**О системе прагматической
русской истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Г. Устрялов**
О системе прагматической русской истории / Н. Г. Устрялов – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 86 с.

ISBN 978-5-518-07187-2

ISBN 978-5-518-07187-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Съ другой стороны, послѣ рѣшительнаго вліянія на насъ Европейскаго образованія, когда пробудилась мысль о народности, обещающая столь вождельбныя плоды въ будущемъ, кто удовлетворительнѣе Исторіи скажетъ намъ, въ чемъ заключаются элементы Русской народности, или тѣ основныя начала, изъ коихъ развилась наша жизнь общественная, гражданская и семейная? Наконецъ, Русская Исторія должна рѣшить, самымъ положительнымъ образомъ, великій современный вопросъ о Польшѣ и о подвластной ей некогда Западной Россіи.

Между тѣмъ съ постепеннымъ развитіемъ идеи о высокомъ значеніи отечественной Исторіи, столь понятномъ для всѣхъ людей просвѣщенныхъ, образовалось убѣжденіе и въ томъ, что большей части нашихъ бытописателей не достаетъ правильнаго критическаго воззрѣнія; что они оставили безъ отвѣта многіе важныя вопросы, и что цѣлыя періоды нашего государственнаго существованія покрыты непостижимою темнотою, которая лишаетъ почти всѣхъ средствъ извлечь изъ минувшаго пользу для настоящаго. Лучшее, полнѣйшее изъ сочиненій, объясняющихъ древнюю судьбу нашу, *Исторія Государства Россійскаго*, многимъ даже не взыскательнымъ читателямъ стало казаться не удовлетворительнымъ: говорятъ, что при всей красотѣ повѣствованія, оно наполняетъ умъ какими-то несвязными картинками, часто образами безъ лицъ, еще болѣе неправильными очерками; что въ немъ напрасно будетъ искать развитія жизни общественной, успѣховъ законодательства, промышленности. Однимъ словомъ, всѣ постигаютъ высокое значеніе историческаго знанія, и всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что Россія еще не имѣетъ своей Исторіи.

Виною столь ошутительнаго въ наше время недостатка могутъ быть два главныя обстоятельства: 1) недостатокъ матеріаловъ; 2) неудачный выборъ плана, или неуспѣш-

ное исполненіе его. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко случается слышать, что источники Русской Исторіи слишкомъ скудны, и что нѣтъ ни какого средства объяснить непостижимыя загадки, безпрестанно встрѣчающіяся въ каждомъ періодѣ жизни Русскаго народа. Эта мысль столь распространялась, что многіе изъ нашихъ писателей впадаютъ въ забавныя ошибки; напримѣръ, авторъ книги подъ заглавіемъ: *Царствованіе Алексѣя Михайловича*, говоритъ, что по странному случаю, всѣ акты, относящіеся ко времени сего Государя, истреблены, забывъ, что въ Полномъ собраніи законовъ напечатано 618 однихъ узаконеній Царя Алексѣя Михайловича, и что въ архивахъ хранится цѣлыя кипы Дворцовыхъ записокъ его времени. Для доказательства, какъ не основательны жалобы на недостатокъ историческихъ матеріаловъ, довольно замѣтить, что Карамзинъ нашелъ свѣдѣній для 12 томовъ, не коснувшись времени даже Михаила Ѳеодоровича и подтвердивъ каждый фактъ ссылкой; что о Петрѣ Великомъ мы имѣемъ 30 томовъ Дьяній, изъ коихъ по крайней мѣрѣ третья часть достовѣрныхъ, кромѣ 15 томовъ Петровыхъ узаконеній. Возразятъ, что не всякому удастся быть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находились Карамзинъ и Голликовъ; отвѣчаю: во-первыхъ, при заботливости нашего Правительства объ успѣхахъ отечественнаго бытописанія, у насъ архивы доступны такъ же, какъ и въ другихъ странахъ; во-вторыхъ, отъ бытописателя требуется не только искусство изложенія, но и трудъ приисканія и обработки матеріаловъ. Скажу болѣе: даже печатные матеріалы наши такъ обильны, что Гиббонъ навѣрное не имѣлъ въ рукахъ такого сокровища, описывая упадокъ и разрушеніе Римской Имперіи.

Причины неудовлетворительности нашихъ историческихъ сочиненій скрываются въ самомъ планѣ, отъ коего много зависитъ успѣхъ исполненія. Конечно, ни одна изъ

Науку, въ примѣненіи къ нашему отечеству, не требуетъ, относительно выбора системы, такихъ глубокихъ соображеній, какъ Русская Исторія. При начертаніи Русской Географіи, Русской Статистики, мы съ успѣхомъ можемъ руководствоваться счастливыми опытами Европейскихъ ученыхъ, заимствовать у нихъ основныя начала въ выборѣ предметовъ, въ раздѣленіи ихъ, въ постепенномъ порядкѣ, въ методѣ изслѣдованія; систему же Русской Исторіи должны ты создать сами, не придерживаясь ни Юма, ни Миллера: ибо у насъ развитіе государственной и гражданской жизни совершалось, по инымъ началамъ, подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ; но трудность удачнаго выбора системы можетъ служить только оправданіемъ нашихъ историковъ, особенно при началѣ поприща, гдѣ ошибки неизбежны; положеніе же, что мы не имѣемъ прагматической Исторіи, основанной на истинныхъ началахъ Науки и соответствующей потребностямъ времени, остается во всей своей силѣ. Въ доказательство этого положенія, я считаю нужнымъ: 1) изложить главныя условія отечественной Исторіи въ смыслѣ Науки; 2) представить основныя идеи бытописателей, кои, почерпая свои свѣдѣнія изъ первыхъ матеріаловъ, сами служили источниками для сочиненій, имѣвшихъ предметомъ отдѣльныя части отечественной Исторіи.

Исторія Россійскаго Государства, въ смыслѣ Науки, какъ основательное знаніе минувшей судьбы нашего отечества, должна объяснить постепенное развитіе гражданской жизни нашей, отъ перваго начала ея до позднѣйшаго времени, съ тѣмъ, чтобы разливъ свѣтъ на главныя условія быта общественнаго и раскрывъ, почему они существуютъ такъ, а не иначе, указать, какое мѣсто занимаетъ Россія въ системѣ прочихъ государствъ, какія правила политики внутренней и внешней наиболѣе были сообразны съ ея выгодами; какія причины, какъ плоды времени и об-

стоятельствъ, ускоряли и замедляли успѣхи промышленности и образованности. Цѣлью Науки опредѣляется предметъ ея. Русская Исторія достигаетъ своей цѣли вѣрнымъ изображеніемъ переменъ, случившихся въ состояніи Русской Державы, съ указаніемъ причинъ тому и слѣдствій. Такимъ образомъ предметъ ея—постепенный переходъ Россіи изъ одного положенія въ другое. Какъ переменны государственныйя всегда зависятъ отъ стеченія многихъ обстоятельствъ, отъ причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, отъ прямого и косвеннаго дѣйствія ихъ: то Исторія должна обнимать все, что имѣло вліяніе на судьбу государства, что оставило по себѣ слѣды замѣтныя. Въ слѣдствіе того, она изображаетъ: достопамятныя дѣйствія людей, управлявшихъ внутреннею и внѣшнею политикою Россіи; успѣхи законодательства, промышленности, наукъ и художествъ; вліяніе религій, нравовъ и обычаевъ.

Въ такомъ смыслѣ, отечественная Исторія займетъ высокое мѣсто въ кругу Наукъ общественнаго образованія. Какъ вѣрная повѣсть всего роднаго, какъ завѣтъ предковъ къ потомству, объясняя рядомъ картинъ геній народа, плоды сѣмянъ добрыхъ и злыхъ, озаряя въ неразрывной цѣпи вѣковъ все отечественное, она разовѣтъ идею Россіи во всемъ объемѣ ея, покажетъ истинныя свойства народа и потребности государства, подтвердитъ умозрительныя изслѣдованія всего, что относится до Россіи, и послужитъ лучшимъ пособіемъ къ примѣненію всякаго рода уставовъ: ибо все улучшается опытомъ; Исторія же есть самый обильный запасъ разнообразныхъ опытовъ.

Два условія необходимы для достиженія высокой цѣли Исторіи: прежде всего, самое подробное, вѣрное и отчетливое знаніе фактовъ. Оно пріобрѣтается постояннымъ изученіемъ современныхъ памятниковъ минувшаго и знакомствомъ съ позднѣйшими изыскателями: первые сооб-

щаютъ живое понятіе о старинѣ, вторыя поясняютъ недосказанное ими болѣе или менѣе удачными соображеніями. Но этого еще мало: это не что иное, какъ приготовленіе, сборъ матеріаловъ; чтобы воздвигнуть величественное зданіе нуженъ умъ искусстваго зодчаго. Самое подробное знаніе фактовъ не принесетъ существенной пользы, если они не будутъ приведены въ стройную систему, гдѣ каждое явленіе было бы на своемъ мѣстѣ, какъ слѣдствіе предъидущаго и причина послѣдующаго; каждое событіе имѣло бы свое знаменованіе, сообразное съ его важностію, и вело бы къ предполагаемой Исторіею цѣли. Для соединенія же фактовъ въ одно стройное цѣлое, въ одну живую картину мнувшаго, правильно очерченную и ярко освѣщенную, необходимо: *a)* выплутъ въ общій смыслъ Исторіи и найти нить, связывающую всѣ явленія непрерывною цѣпью (эта нить образуется самымъ ходомъ событій, вліяніемъ вѣка, гениемъ народа и по мѣрѣ измѣненія тѣхъ и другихъ пружинъ, измѣняетъ свое направленіе); *b)* опредѣлить точки, гдѣ общій ходъ событій получаетъ иной характеръ, въ слѣдствіе стремительнаго переворота дѣлъ, или быстраго развитія гражданственности, и сообразно этому измѣненію, раздѣлить всѣ факты на нѣсколько разрядовъ для лучшаго обзора и уразумѣнія ихъ; *c)* приравновляясь къ общему историческому ходу, размѣстить всѣ явленія по мѣрѣ важности, такъ, чтобы въ изображеніи ихъ соблюдена была точность и соразмѣрность, съ правильною связью причинъ и слѣдствій. Перспектива, въ особенности правильное освѣщеніе необходимо какъ въ Живописи, такъ и въ Исторіи. Вотъ главныя условія прагматическаго изложенія. Теперь взглянемъ, въ какой степени выполняли ихъ наши бытописатели.

Первоначальною формою нашей Исторіи была Лѣтопись — хронологическая повѣсть событій, безъ всякой праг-

матической связи: люди скромные, любознательные, большею частью безыменные, по всей вероятности духовные, вносили въ свои сборники замѣтки о томъ, что они видѣли или слышали, и что по духу времени, по ихъ отношеніямъ, казалось имъ достопамятнымъ: записывали междуособныя войны Князей, походы на враговъ вѣнскихъ, вторженіе иноземныхъ народовъ, случаи церковныя, знаменія небесныя, естественныя бѣдствія, морь, засуху и проч. Все это идетъ одно за другимъ, большею частью въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь не кстатѣ судить о началѣ и достовѣрности нашихъ Лѣтописей; тѣмъ не умѣстишь подводить ихъ подъ тѣ условія, которыя мы выше изложили, разсуждая о цѣли, предметѣ и значеніи отечественной Исторіи. Довольно замѣтить, что предки имъ вѣрили безусловно, что въ нихъ они искали отрады въ своихъ страданіяхъ, смотрѣли на нихъ такъ же, какъ мы нынѣ смотримъ на акты государственныя, и Патріархъ Ермогенъ, призывая Русскихъ къ спасенію вѣры и отечества, ободрялъ защитниковъ Россіи тѣмъ, что подвиги ихъ онъ впишетъ въ Лѣтописи.

Лѣтописи наши прекратились около того времени, когда быстро исчезли почти всѣ формы древняго Русскаго міра, при Петрѣ Великомъ. Между тѣмъ уже давно пробудилась мысль о сводѣ старинныхъ хроникъ въ одно цѣлое: въ этомъ духѣ составлены были Степенныя книги, Лѣтопись Никона; съ тою же цѣлію, въ первой половинѣ XVIII вѣка трудился и Татищевъ. Предшествовавшіе ему собиратели отличаются отъ лѣтописцевъ только тѣмъ, что иногда вставляли отъ себя немногія разсужденія, чаще выписки изъ Византійскихъ хроникъ, разумеется, безъ всякихъ признаковъ критическаго изслѣдованія. Татищевъ хотѣлъ составить сводъ ученыхъ: имѣя подъ рукою весьма многіе, по словамъ его, древніе списки, кои большею частью нынѣ утрачены, онъ выбиралъ изъ

нихъ все достопамятное, чисто историческое, и размѣщаль факты по годамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, не измѣняя ни тона разсказа, ни самаго языка; сверхъ того писалъ примѣчанія, основываясь отчасти на иноземныхъ авторахъ, о народахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи, о географическомъ положеніи мѣсть, о хронологіи и проч. Не смотря на то, что въ текстѣ онъ ограничивался одними Русскими Лѣтописями, трудъ его былъ бы чрезвычайно важенъ для послѣдующихъ бытописателей, какъ собраніе матеріаловъ, если бы авторъ выполнилъ свое предпріятіе отчетливо и добросовѣстно. Въмѣсто безполезныхъ и частію забавныхъ толкованій о Скиѣтахъ и Сарматахъ, въ особенности о Сарматскомъ языкѣ, следовало объяснить, какіе были въ рукахъ его списки, къ какому времени они относились, и что именно заимствовано изъ того или другаго. Татищевъ не только все это упустилъ изъ вида, но и навлекъ на себя, едва ли не основательное, подозрѣніе въ подлогѣ: онъ предпочиталъ простымъ, достовѣрнымъ сказаніямъ Нестора чуждые бредни такъ называемой Іоакимовой Лѣтописи, по всѣмъ признакамъ составленной въ новѣйшія времена изъ баснословныхъ преданій Скандинавовъ, съ примѣсью свѣдѣній, сохранившихся въ нашихъ хроникахъ. При такихъ недостаткахъ, трудъ Татищева, коимъ такъ дорожили Миллеръ, Болтинъ и другіе, въ наше время, при строгихъ требованіяхъ исторической критики, не имѣетъ почти ни какой цѣны, не смотря на то, что въ немъ есть показанія весьма важныя, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ. Опасеніе подлога, въ родѣ Іоакимовой Лѣтописи, устрашаетъ самыхъ довѣрчивыхъ изыскателей.

Татищевъ былъ послѣднимъ представителемъ второй системы нашей историографіи, т. е. свода Лѣтописей. Незадолго до него Кн. Хилковъ, или справедливѣе, секретарь Хилкова, вздумалъ изобразить мнувшую судьбу

Россіи, въ прагматическомъ разсказъ, т. е. съ объясненіемъ вліянія одного событія на другое, съ указаніемъ причинъ и слѣдствій, уже не тономъ и не слогомъ Летописей, а въ духъ современномъ, лучшимъ, по его мнѣнію, языкомъ. Съ тою же цѣлію, съ тѣми же притязаніями, въ первой, и особенно во второй половинѣ XVIII столѣтія, писали Ломоносовъ, Щербатовъ, Элагинъ, Эмишъ, Стриттеръ, Лесвекъ и нѣкоторые другіе. Входитъ въ подробное разсмотрѣніе плана каждаго сочиненія, было бы утомительно и бесполезно. Какую услугу могли принести отечественной Исторіи писатели, изъ коихъ одинъ занимался ею въ Шведской темницѣ безъ необходимыхъ пособій; другой не могъ отличить Владиміра на Клязмѣ отъ Владиміра Вольнскаго; третій съ трудомъ понималъ Русскій языкъ; четвертый считалъ преданія объ Ольгиныхъ воровбяхъ такъ значительнымъ, что хотѣлъ собственнымъ опытомъ удостовѣриться въ истинѣ сказанія, и съ приличною важностію описываетъ свои эксперименты; пятый, наконецъ, выдумывалъ не только рукописи, но и печатныя сочиненія, коихъ никогда никто не издавалъ, и на которыя онъ ссылался. Не смотря на всѣ хлопоты, до времени Карамзина не было и тѣни прагматической Русской Исторіи. Попытки предшествовавшихъ ему писателей нѣмъ любопытны только, какъ младенческія лепетанья; у нихъ вы не встрѣтите ни одной яркой мысли, ни одного свѣтлаго взгляда. О точности плана и говорить нечего. Иначе впрочемъ и быть не могло: они занимались Исторіею мимоходомъ, частію отъ скуки, частію по приказанію.

Послѣ такихъ писателей, Карамзинъ явился истиннымъ гигантомъ. Литераторъ просвѣщенный, художникъ по призванію, по влеченію души, отказавшійся отъ всѣхъ расчетовъ честолюбія для одной Науки, постоянно вѣрный до конца жизни своему зову, онъ рѣшился написать Ис-

торію своего отечества съ истиннымъ рвеніемъ художника, съ огромнымъ запасомъ матеріаловъ, со всею отчетливостію, какую только требовала важность предмета, и совершилъ подвигъ великій съ честію и славою. Ему надлежало бороться съ неизвѣрными затрудненіями: не имѣя ни одного надежнаго путеводителя, исключая Шлецера (и то только до Владиміра), онъ долженъ былъ собирать матеріалы, о существованіи коихъ никто даже не предполагалъ; соглашать безпрестанныя противорѣчія въ числахъ, въ именахъ лицъ, въ названіи городовъ, народовъ; бороться съ укоренившимися предрассудками; однимъ словомъ разрабатывать руду неоцѣненную, но почти не тронутую; онъ, говорю, исполнилъ свой долгъ съ честію и славою: самые строгіе судьи его могутъ говорить, разсуждать и спорить только о томъ, что описалъ Карамзинъ; далѣе предѣла, гдѣ пресѣклась его Исторія, они не восходятъ.

Главною цѣлію Карамзина было, собрать свѣдѣнія о минувшей судьбѣ отечества изъ всѣхъ возможныхъ источниковъ, размѣстить ихъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и одѣть въ изящную форму разсказа. Заботливость его о сохраненіи всѣхъ преданій минувшаго простиралась до такой степени, что самые ничтожные случаи, даже сказки, нашли мѣсто въ его сочиненіи, если не въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Кромѣ того, ни одно, сколько нибудь важное, показаніе не осталось безъ подтвержденія ссылками на первые источники. Этого мало: авторъ не довольствовался однимъ наборомъ фактовъ; держась строго хронологіи, онъ старался дать значеніе каждому событію, угадывалъ характеръ дѣйствовавшихъ лицъ, вникалъ въ духъ времени, собиралъ черты жизни гражданской и семейной, слѣдилъ за промышленностью, законодательствомъ, словесностью, художествами, ремеслами;

однимъ словомъ, хотѣлъ нарисовать самую полную картину Россіи.

Главнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли, онъ признавалъ искусство разсказа, говоря, что «знаніе всѣхъ «правъ на свѣтъ, ученость Пѣмецкая, остроуміе Вольте-«рово, ни самое глубокомысліе Макиавеля, въ историкѣ не «замѣняютъ таланта изображать дѣйствія.» Многіе упре-кали Карамзина за предпочтеніе разсказа всѣмъ другимъ достоинствамъ бытописателя: ибо въ такомъ случаѣ Исто-рія будетъ повѣстью, сказкою, а не Наукою, имѣющею предметомъ развитіе иден о человечествѣ. Упрекъ не справедливый: Карамзинъ смотрѣлъ на искусство повѣст-вованія, какъ на умѣнье автора выражать ясно, вѣрно, изящнымъ слогомъ, не безотчетныя иден, а результатъ предварительныхъ критическихъ соображеній. Онъ не хотѣлъ затемнять текстъ изслѣдованіемъ противорѣчій другихъ историковъ, помѣщая свои разысканія въ при-мѣчаніяхъ, и стараясь представить только то, что послѣ многихъ изслѣдованій считалъ результатомъ.

Не оспаривая началъ, принятыхъ Карамзинымъ, и при-знавая ихъ совершенно сообразными съ цѣлію Исторіи, имѣющей предметомъ развитіе государственной жизни, разсмотримъ, въ какой степени онъ выполнилъ свое пред-пріятіе. Само собою разумется, что здѣсь первый во-просъ о томъ, какъ смотрѣлъ онъ на общій ходъ собы-тій. Основная мысль его о характеръ Русской Исторіи выражена слѣдующимъ образомъ: «Мужъ ученый и слав-«ный, Шлецеръ, сказалъ, что наша Исторія имѣетъ пять «главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Свято-«полка должна быть названа раждающеюся; отъ Ярослава «до Монголовъ, раздѣленною; отъ Батые до Іоанна III, «угнетенною; отъ Іоанна до Петра Великаго, побѣдонос-«ною; отъ Петра до Екатерины II, процвѣтающею. Сія «мысль, замѣчаетъ Карамзинъ, кажется мнѣ болѣе остро-